

АРТЕМ ДРОЗДОВ

ЖАР ПОТУХШИХ КОСТРОВ

18+

Артем Дроздов

Жар потухших костров

«Автор»

2026

Дроздов А.

Жар потухших костров / А. Дроздов — «Автор», 2026

Мир, где солнце погасло. Люди уютятся в бетонных коробках, платят бонусами за свет и тепло. Рождаемость падает, и общество делает все, чтобы женщины рожали. Аборты приравнены к убийству. Аля — дизайнер голограмм, создающих иллюзию уюта для бедняков. Ее жизнь — работа, дом, больная мать. Никаких надежд. Только выживание. Но однажды по дороге домой в снежном лабиринте на нее нападают. Изнасилование запускает цепочку событий, из которой она выйдет совсем другим человеком. Врачи, к которым она идет за помощью, вместо поддержки заставляют ее подписать согласие на экспериментальную программу. Чип, вживленный в шею, связывает ее сознание с будущим ребенком. Теперь она чувствует каждую его эмоцию, каждую боль. Ее тело больше ей не принадлежит. Эта книга — не про ведьм. Она про то, как мы закрываем глаза на насилие вокруг. Про женщину, которая прошла через унижение, потерю себя и обрела силу там, где ее не должно было быть. «Жар потухших костров» — роман, после которого невозможно молчать

© Дроздов А., 2026

© Автор, 2026

Артем Дроздов

Жар потухших костров

"Любовь – это когда вы дарите другому то, в чем он не нуждается"

Жак Мари Эмиль Лакан

французский психоаналитик, философ, психиатр

Перед тем как вы погрузитесь в эту историю, я хочу сказать несколько слов.

Мы привыкли думать, что живем в цивилизованном мире. Что насилие над женщиной – это пережиток прошлого, то, что случается где-то далеко, с кем-то другим, но только не здесь и не с нами. Это удобная ложь. Она позволяет нам спокойно спать по ночам, не вглядываясь в темноту.

Когда я начал писать эту книгу, я погрузился в изучение материалов, которые находятся в открытом доступе. То, что я увидел, лишило меня сна. Истории женщин, переживших насилие, – их боль, их страх, их сломанные судьбы – оказались страшнее любой выдумки. Я читал и не мог поверить, что это происходит прямо сейчас, рядом с нами.

«Жар холодных костров» – не документальное расследование. Это завуалированная история, попытка через жанр антиутопии и хоррора поговорить о том, о чем говорить не принято. О том, как мы ломаем женщин через «заботу». О том, как насилие маскируется под долг. О том, что даже в самом страшном аду можно найти тех, кого любишь.

Эта книга – мой разговор с вами. Надеюсь, вы его услышите.

Артем Дроздов

1

Мне уже давно стоило пойти работать, но лампа обогрева такая теплая, что не оторваться. Такие сейчас устанавливают везде, где только можно, потому что старые способы обогрева помещений не справляются. Она выглядит словно огромная лавовая лампа, тянущаяся с первого этажа сквозь пол и потолок всего здания. Интересно, как новые технологии встраиваются в наше пространство. Взять даже эту теплую трубу, которая греет все этажи. Она выглядит современной, и благодаря ей мы можем согреться. Но ее установили, повредив пол. Если приглядеться, можно увидеть, как небрежно это сделано. Кусочки цемента до сих пор откалываются от места установки. Благодаря ее прозрачному материалу, можно увидеть металлические шарики маленького размера, плавающие в фиолетовой жиже внутри лампы. Разглядывая шарики, я встретила взглядом с собственным отражением в стекле. Мне никогда не нравилась моя внешность. Кудрявые волосы, тонкие губы, маленький и острый нос. А кожа и вовсе какая-то болезненно-желтая. Стоило мне всмотреться с собой взглядом, как сразу в голове промелькнула мысль – ты ужасна. Сама не знаю почему. Отвращение к самой себе смутило меня. Я отпрянула от обогревателя и начала хрустеть пальцами. Старая привычка. В детстве,

когда мама видела, как я это делаю, она шутила: «Оооой, будто ветки под ногами трещат в лесу». Обычно после этого она так широко улыбалась, что и мне становилось весело. Приятные воспоминания. Так много времени прошло с тех пор, как мама могла внятно говорить.

Все то время, пока я грею руки, позади меня Кип спорил со своим новым стажером на тему того, куда человечеству лучше всего тратить ресурсы в наш двадцать второй век. Кип руководит нашим филиалом, поэтому стажер очень тщательно подбирает слова. Стажер неуверенно и скромно пытался сказать о том, что гаснущее солнце не должно оставаться без внимания. Но Кип и слышать ничего не хотел. Он не давал ему и шанса победить в споре.

– Выгляни в окно, новичок! Видишь те круглые оранжевые шары в небе? Они были созданы именно для того, чтобы земля не остыла! Только благодаря им на планете кое-как можно жить, без страха замерзнуть насмерть. Ну да, лета мы не увидим еще очень долго. Технологию обогрева земли еще нужно наладить. Но работает же! А рождаемость все падает и падает! Сколько людей погибло, пока СВЕТ 2.0 запустили? Больше половины точно! Люди давно перестали размножаться, а сейчас мужику лучше яйца прогреть в термобелье, чем в бабе!

После последних слов Кипа мне захотелось развернуться и уйти. Но они со стажером перегородили проход. После нескольких неудачных попыток прошмыгнуть между ними я осталась стоять на месте. Кип всегда одевался хорошо. Сегодняшний день не был исключением. Коричневые туфли, приталенные черные брюки и черная рубашка навыпуск. Ему идет! Особенно бросались в глаза модные электронные часы с контролем температуры тела. Я слышала, что такие часы могут повысить температуру тела, если она будет слишком быстро снижаться. Незаменимая вещь для нашего времени. Хоть и непомерно дорогая! Его уверенность обезоруживала и пугала. А его седые волосы намекали на мудрость. Стажер же выглядел неопрятно. Черные взъерошенные волосы. Мягкая коричневая рубашка, которая явно была ему велика. Висячие черные брюки и квадратные ботинки. Напуганный взгляд стажера подчеркивали его огромные очки.

– Кип, я все понимаю. И то, что радикальные группы, такие как «сойки», поджигают фермы, в которых происходит искусственная рождаемость, мои аргументы не подкрепляют. Но я думаю...

Стажер не успел договорить, Кип рассвирепел, стоило ему услышать про группировку «сойки».

– И слышать про этих идиотов не хочу! Эти помешанные выжили из ума! Ну против ты того, чтобы заводить детей? Хорошо! Но зачем же фермы жечь? Зачем людей путать?

Стажер закатил глаза и начал делать глубокие вздохи. Но ответить не осмелился. Кип смотрел на новичка с самодовольной ухмылкой. Мне стало жаль парня, которому в его первый рабочий день пришлось говорить на такую неоднозначную тему. Неожиданно у Кипа начало краснеть лицо. Он обхватил горло – там, где под кожей пульсировал огонек связи, не сводя взгляда со стажера. Затем, Кип развернулся и зашагал в сторону своего кабинета, разговаривая с кем-то своим басистым голосом. Выглядит жутко, но такие уж современные мобильные устройства. Я бы никогда не смогла вживить что-либо в свой организм! Стажер остался стоять у обогревателя. Я наконец смогла вернуться за свое рабочее место, шаркая тапочками в виде двух мышат по серому виниловому полу. Разобрав почту, я наткнулась на сообщение от Кипа. Он просил меня заняться новым заказом. Наша компания занималась голограммами. Вернее, созданием голографического дизайна помещений любых размеров. Помню, как Тара, специалист по подбору персонала, объясняла мне, чем занимается компания, в день моего собеседования. Она говорила:

– Если коротко, то мы создаем очень правдоподобную голограмму современного ремонта даже для самого скромного жилья. Представь себе комнату, в которой лишь серые стены, в центре которой старый стол из гниющего дерева. Картинка так себе, верно? Но есть выход!

Хозяин такой комнаты может обратиться в нашу компанию. Ему всего лишь нужно выслать фото в отдел голографического дизайна интерьера – в тот отдел, в который ты сейчас проходишь собеседование. И наши специалисты создадут замечательную голограмму для такого жилья. Стол станет выглядеть как новый. Стены приобретут белоснежный вид. Мы даже можем добавить некоторые части интерьера по желанию. Конечно, это всего лишь картинка, и взаимодействовать можно будет только со столом, но жить в таком месте будет куда приятней! На момент моего собеседования это была новая услуга. Но спустя восемь лет она стала очень популярной. Даже на грани вымирания людям хочется жить в комфортных домах. Мне нравится моя работа. Она помогает отвлечься от тяжелого состояния мамы и гаснущего солнца. К тому же бонусы на электричество и еду на дороге не валяются. Запустив нужную программу на компьютере, я с головой ушла в работу! Время пролетело быстро. Не успела оглянуться, как в офисе остались только мы со стажером. Наш небольшой офис выглядит словно школьный класс. Несколько рядов со столами, на которых стоят компьютеры, и кабинет босса с прозрачными стенами. Когда все сотрудники расходятся, это место становится депрессивным и одиноким. Собрав вещи и попрощавшись с новичком, я направилась в раздевалку, чтобы переодеться и получить суточные бонусы за работу.

Надев специальный костюм который сохраняет тепло, у которого молния начиналась со штанины и заканчивалась возле горла, я села на скрипучую деревянную скамейку, чтобы обуть ботинки. Когда я обулась, стопы сразу же почувствовали жар. Как и все тело. Мне не хотелось выходить на улицу, но и задерживаться было нельзя. В доме, где жили я и мама, нужно было каждый день платить за электричество. Мысль о том, что мама может остаться без света, напугала меня и заставила поторапливаться. Прихватив из шкафчика рюкзак и перчатки, я направилась к лифту. Первый этаж нашего здания всегда грязный, темный и сырой. Рядом с выходом установлен планшет на уровне глаз. Сегодня многие организации используют подобные гаджеты. Современные планшеты сделаны полностью из стеклянного материала. Когда берешь такой в руки, он кажется легче воздуха. Я подошла к нему, нащупала в кармане рюкзака пластиковую кредитную карту и, не глядя, приложила к планшету с логотипом нашей компании на заставке. По ним нам начисляли суточные бонусы за работу. В углу темно-зеленой кредитной карты появилась цифра ноль. Это был мой текущий счет. После писклявого звукового сигнала ноль сменился на число сорок восемь. Я смотрела на цифру и не понимала. Может, я ошиблась? Приложила карту еще раз – то же сорок восемь. Руки начали дрожать. От увиденного из моих глаз потекли слезы. Руки взмокли и задрожали. Я не могла поверить: это было куда меньше положенного. В голове начался кавардак! Десятки вопросов стали копиться на кончике языка. Я сделала не все поставленные задачи от Кипа? Меня хотят уволить? Я плохо справляюсь с задачами? Может, дело в проекте двухнедельной давности? На меня поступила жалоба. Одна истеричка постоянно вносила правки и называла меня идиоткой в каждом письме. Но Кип сказал, что все в порядке! Он сказал, что заказчица сама не знает, чего хочет, а я молодец. Или он не хвалил меня? В глазах начало темнеть. Я выпрямилась и сделала несколько глубоких вдохов. Это помогло собраться. «Мы справимся! Даже если станут платить меньше, я что-нибудь придумаю! Главное – обеспечить электричеством комнату мамы, а я уж как-нибудь перебьюсь», – подумала я.

2

Позади меня захлопнулась входная дверь. Холодный воздух мгновенно начал жечь лицо. Из-за низких суточных бонусов я забыла надеть шапку, шарф, рукавицы и спортивные очки. Под вой ветра я достала из рюкзака все необходимое. Пока натягивала шапку на уже заснеженные волосы, руки начали коченеть. Варежки удалось натянуть с трудом. С шарфом и очками справилась быстрее. На улице было темно. В последний раз я видела голубое небо в детстве.

После неудачных испытаний на солнце дни становились все темнее. Мне нужно спешить! Дорог больше не было. Чтобы добраться до остановки, нужно пройти лабиринт из снега, стены которого метров пять в высоту. Достав из рюкзака фонарик, я отправилась в путь. Хруст снега под ногами помогал ненадолго отвлечься от накопленной за день усталости. Пройдя очередной указатель с изображением снежного крейсера, мне захотелось посмотреть наверх. Замедлив шаг, я задрала голову. Тьма и бесконечный лед вокруг. Больше ничего. Пришлось замедлить шаг, чтобы не упасть. Задрав фонарик над головой, я начала вертеть им вокруг – сама не знаю зачем. Порой мне кажется, я не управляю собственным телом. Такие поступки разочаровывают меня, но радуют. Мое самобичевание остановил сильный толчок в грудь. У меня дыхание остановилось от испуга! Я всего несколько раз встречала человека на этом маршруте!

– Ты что, слепая?

Это был мужчина. Низкий, но плечистый. Его костюм был похож на мой, только цвет черный. Из-за капюшона и зимних очков мне удалось рассмотреть только его рот и щетинистую челюсть. От него воняло спиртом и табаком.

– Простите, пожалуйста, я смотрела вверх и не заметила в...

Он не дал мне договорить. Из-за волнения мой голос стал по-детски писклявым.

– Дура! Смотреть вперед надо! Ты хочешь меня разозлить или что?

Мужчина напротив свирепел. Чем больше он говорил, тем сильнее запинался. Его речь была непонятной. Но сказать ему об этом я побоялась. После еще нескольких оскорблений его враждебный вид резко сменился на доброжелательный.

– А вообще, ты чего тут одна ходишь? Мужика себе на вечер ищешь?

Большая часть его зубов была гнилыми. Мне хотелось уйти, но проход был слишком узким, чтобы я могла свободно обойти этого грубияна.

– Можно я пойду? Пожалуйста.

Он прижался к стене, не переставая улыбаться. Прижавшись к противоположной стене, шаркая курткой, я стала медленно обходить выпившего мужчину, не отводя от него взгляда. Он ехидно улыбался. Отдалившись на несколько метров, я выдохнула. Дура. Пронесло. Я даже улыбнулась – сама себе, в темноту. Мне показалось, что я в безопасности. Это чувство продолжалось до тех пор, пока резкий рывок за капюшон не остановил меня. Фонарик выскользнул из рук. Ноги начали скользить, пока я не встала на одно колено. Чья-то сильная рука обхватила мою шею и начала сдавливать горло. Сердце забилося словно бешеное. Я пыталась повернуть голову, чтобы увидеть того, кто сбил меня с ног, но захват оказался слишком крепким.

– Тиинише! Не надо мне тут копошиться, как жаба!

Очевидно, это был мужчина, который мгновение назад не давал мне прохода, но из-за паники я осознала это не сразу. Он нависал надо мной, словно гора, которую я безуспешно попыталась сдвинуть с места. Все внутри меня кричало: беги! Сбей его с ног и беги! В следующий миг у моего горла мелькнул нож. Задрав голову вверх, я начала рыдать во весь голос.

– Закрой рот! Сейчас пырну и брошу в какой-нибудь сугроб! Ты этого хочешь?

Он колотил меня, угрожая убить. Я замолчала. В голове появился образ моей мамы. Я представила, как она сидит в своем кресле обездвиженная и одинокая, в нашей квартире без еды и электричества. Меня повалили на ледяную землю. Опершись локтем на верхнюю часть позвоночника, этот монстр разрезал мне штаны в области ягодицы. Сначала я почувствовала холод. Мне до последнего не хотелось верить в то, что со мной хотят сделать. Мысли путались. Слезы снова ручейками потекли из глаз. Позади послышался звук расстегивающейся молнии вместе с каким-то бормотанием. Затем он вошел в меня. Его напористость ужаснула меня. Стоны, которые он издавал, напоминали хрюканье. Вдавливая меня в землю, эта сволочь начала водить лезвием ножа по моим щекам, оставляя небольшие царапины на моей коже. Потом он наклонился к моему уху и застонал еще громче. Чем громче я рыдала, тем активнее он становился. Но не рыдать я не могла. Я чувствовала то унижение, которое он хотел мне

показать. Все намекало на некую форму рабства. Словно меня взяли и швырнули в руки хозяину, сопротивляться которому я была не в силах. Начали болеть колени. Тело выдыхалось. С каждым толчком из меня будто уходила частичка себя.

Закончив, это отвратительное создание ушло не сразу. Я застыла. Не поднимая головы, я вслушивалась, как мой насильник застегнул куртку и начал твердо расхаживать вокруг меня, хихикая и поскрипывая зубами. Помочившись и постояв надо мной еще какое-то время, он ушел. Я лежала еще долго. Не знаю, сколько. Снег падал на лицо и не таял. Все было как в тумане. Уверена, все длилось недолго. Но для меня это была целая вечность. Целая вечность унижения и страха! Подняв фонарик дрожащими руками, я осмотрела куртку. Место разреза было большим. Обмотав шарф вокруг талии, чтобы не получить обморожение, я начала беспорядочно светить фонариком из стороны в сторону, пытаюсь понять, в какой стороне остановка. Всю оставшуюся дорогу по лабиринту я шла медленно. За каждым поворотом я чувствовала запах спирта. Мне казалось, что за мной следят и в любой момент могут напасть снова! Каждый темный угол глядел на меня враждебно! Сама того не заметив, я наконец дошла до остановки. Она выглядела как кирпичная коробка с несколькими тусклыми фонарями рядом. Внутри были установлены обогреватели. Я подошла к одному из них и стала к нему задом. Рядом стояла полная женщина. Ее доброе лицо ненадолго успокоило меня. На вид ей было лет пятьдесят. Она спокойно смотрела на огонь обогревателя, напевая что-то себе под нос и шагая на месте, чтобы согреться. Ее пение напоминало какую-то колыбельную. Колыбельную, которую матери поют своим детям, чтобы те быстрее уснули.

Раздался грохот мотора. Свет фар осветил край остановки. Затем показался и сам транспорт. После того как солнце начало остывать, перемещаться стало возможно лишь на больших машинах. Кип рассказывал, что такие машины раньше использовали во время экспедиций по Антарктиде. Транспорт по форме напоминал гибрид подводной лодки и носорога. Кабина водителя слегка была вытянута вверх, напоминая рог носорога, в отличие от части для пассажиров – длинной и узкой, с небольшими окошками у каждого кресла. Машина выглядела так, словно ее позаимствовали из прошлого и модернизировали в настоящем. Все называли такие машины «катер».

Оплатив билет кредиткой, у меня осталось сорок четыре бонуса. Вздыхая из-за плачевного финансового положения, я начала осматривать слабо освещенный салон транспорта, чтобы выбрать место. Внутри уже сидело несколько пассажиров, которые сверлили меня взглядом. Их взгляды тревожили меня. Меня не покидала мысль о том, что они знают! Знают, какому унижению я подверглась около часа назад. Еще этот шарф, который то и дело соскальзывал! Мне захотелось закрыть глаза руками! Захотелось кричать и молить о прощении! Раздался тихий голос позади. Женщина, с которой мы вместе ждали транспорт на остановке, спокойно и нежно попросила меня пройти дальше.

– Извините, можно я пройду?

Ее нежный голос снова помог мне успокоиться. Проход был узким, поэтому она никак не могла войти в салон. Чтобы никто не смотрел на меня, я села в самый конец машины. Мы тронулись. В салоне у каждого кресла в подголовнике мерцали установленные гибкие экраны толщиной с миллиметр. Как только я села на свое место, экран на противоположном подголовнике включился. Симпатичная девушка в розовом, достаточно откровенном латексном костюме прыгала и с заразительной улыбкой рассказывала о том, как важно рожать детей. Каждый раз, когда она произносила слово «рожать» или «детей», на розовом фоне позади ведущей ее слова преобразовывались в мерцающий текст. Выглядело красиво, но мне было не до этого. Отключив экран, я отвернулась к маленькому окошку, в котором ничего не было видно – лишь холодная тьма. Прижав рюкзак, я глубоко вздохнула и громко выдохнула. Сердце рвалось из груди. Начало покалывать в животе. Я пыталась отогнать от себя образы изнасилования. Я

точно знала, что теперь моя жизнь будет состоять лишь из бегства от этого момента. Даже сейчас я еду не домой, а подальше от того места дороги, на котором мной воспользовались.

3

Квартира, где мы живем с мамой, находится на одиннадцатом этаже большого аварийного здания. Выглядело оно ужасно. Треснувшие красные кирпичи каждый день лагают маленькие роботы-строители. Но толку от них немного. Зайдя в подъезд и отряхнувшись от снега, я очутилась в небольшом, но широком коридоре, в конце которого стоял открытый лифт, внутри мрачно мигал темно-желтый свет. Рядом с лифтом, на уровне глаз, установлен планшет для оплаты коммунальных услуг. Приложив к его экрану кредитную карту, я начала ждать его включения. После небольшого ожидания в углу планшета появилось число сорок три. Это был номер моей квартиры. В центре экрана отображались квадраты с названиями комнат и кнопками для оплаты их электропитания. Кухня – сорок бонусов. Спальня – двадцать бонусов. Ванна – десять бонусов. Отметив галочку рядом с кухней, я нажала кнопку оплатить. Сделав шаг вперед, я вошла в лифт. Внутри меня, как всегда, встретили надписи о конце света и несколько неприличных слов, на которые мне всегда было неловко смотреть, но взгляд сам стремился в их сторону. Кнопка нужного мне этажа была заплевана какой-то мокротой. Отвратительно, – подумала я. Надавив костяшкой среднего пальца на кнопку, меня передернуло. Лифт медленно начал подъем вверх. Мне не хотелось домой. Захотелось навсегда остаться в металлической коробке, которая лениво поднимала меня на одиннадцатый этаж. Без людей, мыслей о грядущей глобальной катастрофе и опасностей, которые всегда рядом. Лифт остановился с уже привычной для меня тряской. Двери открылись, и перед глазами возник этаж, на котором находилась моя квартира. Темный, сырой, с плесенью на деревянных перилах. Открыв дверь квартиры, я почувствовала исходящее изнутри тепло. Это приятно взбодрило меня. Нигде, кроме кухни, свет не горел. Именно там я расположила маму. Сбросив ботинки и кинув рюкзак на пол, я направилась узнать, как дела у мамы. Мы живем скромно. Вещей и бытовой техники почти нет. Лишь плита на кухне и шкафчик для посуды. В спальне прямо на полу лежал рваный матрас, на котором я сплю. Стены бетонные, со встроенными световыми панелями в каждой комнате. Мама сидела в инвалидном кресле, укутанная в серый плед и с устройством под названием «Горгона», на голове. Это устройство позволяло людям погрузиться в самые приятные воспоминания. «Горгона» изначально создавалась для людей с деменцией. Но со временем ее начали использовать все, кому хотелось проживать лучшие моменты своей жизни снова и снова. Устройство выглядит грозно. Оно похоже на шлем для космонавтов, только меньше. В виски вкручиваются шурупы для фиксации, а в глаза вставляют присоски, напоминающие щупальца медузы. Думаю, отсюда и название. В шлеме установлено стеклянное окошко, расположенное напротив лица. На нём время от времени можно увидеть образы того момента, в котором человек находится. Одно из самых страшных побочных эффектов от регулярного использования устройства – это утрата связи с реальностью. Тот, кто решает связать себя с «Горгоной», добровольно принимает тот факт, что после двух-трех погружений он не будет помнить ни своего имени, ни даже как правильно держать вилку. Такой человек выбирает проживать несколько моментов своей жизни до тех пор, пока не умрет. Я не виню маму за то, что она выбрала для нас такую жизнь. Она пережила слишком многое. Сделала то, на что не каждый решится. Даже вспоминать не хочу!

Взглянув на черный экран «Горгоны» на лице мамы, я увидела молодых маму и папу. Светит солнце, они молоды и счастливы. Идут куда-то, взявшись за руки. Прекрасное воспоминание. Поцеловав маму в шею, я ушла в спальню, где переоделась в халат. Заметив порез на моем зимнем костюме, меня бросило в дрожь. Я чувствовала, что еще не до конца осознала, насколько сильно мне больно. И что со мной сделали. Зайдя обратно на кухню, я начала осмат-

ривать свое тело. Несколько ногтей было сломано. Колени сбиты. Царапины от ножа в области ягодиц. Множество синяков на руках. Из глаз потекли слезы. Хотелось сорвать с головы мамы «Горгону» и все рассказать ей! Хотелось, чтобы она сказала, что все будет хорошо. Хотелось утонуть в ее теплых и безопасных объятиях! Но это было невозможно. Ноги подкосились, и я упала на пол. Обнимая холодную и безжизненную инвалидную коляску, я плакала до тех пор, пока не потеряла всякую возможность чувствовать. Нужно было накормить маму и самой что-нибудь перекусить. Не зря же я оплатила электричество на кухне. Я встала, вяло отряхнула колени от пыли и подошла к окну. Если отбросить мысли о том, сколько трупов прямо сейчас замуровано в снегах, вид из окна открывался великолепный. Все напоминало белоснежный океан, на который я могла любоваться часами. Было в этой картине что-то умиротворяющее и спокойное. Открыв окно, я наклонилась через раму и быстро взяла пакет из фольги с подоконника. Сейчас многие так делают. Какой смысл хранить продукты в холодильнике, если за окном всегда минус двадцать?! Внутри пакета лежали четыре брикета темного цвета. Взяв несколько брикетов, я кинула их в обгоревшую со всех сторон кастрюлю. Оставшиеся вернула на прежнее место. В комнате стало прохладно. Включив электрическую плиту, я с любопытством ребенка стала смотреть, как брикеты в кастрюле начали медленно таять. Всплыли соевые кусочки мяса. Аромат специй и горелой резины заполнил всю кухню. Мама позади меня начала скрипеть зубами.

– Тише, скоро покормлю тебя.

Я знала, что она не со мной. Что это всего лишь рефлекс. Но мне нравилось разыгрывать маленькие сценки – будто она где-то там, далеко в своем сознании, слышит меня и все понимает. Я отвернулась к шкафу, потянулась за тарелкой – и вдруг воздух кончился. Легкие сжались, сердце забилося где-то в горле, в глазах потемнело. Я открыла окно и вдохнула – глубоко, жадно, пока горло не заледенело. Снег падал на волосы и тут же таял. Руки покраснели, задрожали. Я стояла так, пока холод не выжег панику. Из кастрюли пошла темная пена. Я закрыла окно, выключила плиту и наклонилась над кастрюлей, чтобы согреться. Одна порция выкипела, пока я приходила в себя. Не важно. Я все равно не голодна. Накормлю маму и лягу спать. Хочется забыть этот день. Провалиться в сон и не помнить.

4

Лежа на матрасе, я не могла забыть о том, как мной воспользовались. Всю ночь я снова и снова вспоминала, как лежала обездвиженная на ледяной земле и тряслась от страха. Вспоминала острую боль от проникновения. Вспоминала, как воняло от насильника и как он наслаждался, насилуя меня. Нужно взять себя в руки! Нужно пойти в правоохранительные органы и все рассказать! Нельзя бояться, стыдиться или винить себя за то, что произошло! От одной мысли о том, что придется рассказать кому-то о произошедшем, мне хотелось провалиться под землю. Страх вытеснял гнев, а после гнев сменялся страхом. И так всю ночь по кругу. Привычная для меня карусель. Только теперь я отчетливо понимала: если я ничего не сделаю, то по земле безнаказанно будет ходить выродок, который может причинить боль еще одной невинной женщине. Решено! Прямо сейчас я направляюсь в больницу и зафиксирую побои и факт изнасилования! Думаю, так это делается. А после напишу заявление в соответствующие правоохранительные органы.

Собравшись впопыхах, я выбежала из дома и отправилась в сторону остановки. Все было как в тумане. Недавний прилив сил сменился слабостью. Бессонная ночь и недоедание сказывались на моем физическом состоянии. Сев в транспорт до больницы, я всю дорогу представляла, как мне будут сочувствовать во время осмотра. Но реальность оказалась совершенно другой!

Зайдя в больницу и отряхнувшись от снега, я нервно начала осматривать ресепшен и коридор первого этажа. Сырость, треснувшие голубые стены, грязный пол. Люди слонялись туда-сюда, без перерыва кашляя, не прикрывая рот. Чтобы записаться на осмотр, пришлось взять электронный талон. Присесть было некуда. Опершись о стену, я простояла около получаса. Все то время, пока я ждала своей очереди, рядом со мной на корточках сидел пожилой мужчина, который без доли стеснения отхаркивал мокроту на пол. Меня начало мутить. Чтобы отвлечься, я рассматривала помещение ресепшена. Небольшая комнатка круглой формы с квадратным окошком. Внутри сидела пожилая женщина в белом халате с недовольным лицом, которая периодически высовывала голову из окошка и озвучивала номера тех, чья очередь подходить к ней. Потому что, как она уже несколько раз повторила, динамики сломаны. Услышав свой номер, я подошла к ресепшену, сделав несколько широких шагов. Не успела я поздороваться, как мне швырнули анкету с требованием заполнить перед приемом к врачу.

– Неужели без этого никак? – подумала я.

Просунув голову прямо в окошко, я шепотом попыталась объяснить старой женщине, что со мной случилось.

– Извините, на меня напали! Мне нужно снять побои или что там обычно в таких случаях делают?

Лицо администраторши покраснело. Оторвавшись от сортировки каких-то таблеток, она медленно подняла глаза и начала кричать мне прямо в лицо.

– Девочка моя, а кто тебе вообще разрешил прямо к моему рабочему месту лицо совать? У меня тут рецепты вообще-то! Напали на нее, что ты. изнасиловали или просто избили?

Высунув голову из окошка, меня начало трясти от стыда. Все в очереди слышали ее! Опустив глаза вниз, я шепотом сказала, что меня изнасиловали. Но на этом унижения не закончились.

– Говори громче! И не задерживай очередь!

Из глаз потекли слезы. Я начала рыдать во весь голос. Люди, стоящие позади меня, начали цокать. Все вокруг будто не понимали, что я испытываю. Моего плеча коснулась чья-то рука. Это был мужчина в белом халате с красной биркой на груди. Врач по имени Сал. Так было написано на бирке. Вытерев мои слезы носовым платком, он обратился к администраторше:

– Нервный срыв?

– А я почему знаю, изнасиловали, кажись.

Она снова это сказала! Я начала рыдать с еще большей силой. Взяв меня под руку, врач отвел меня к себе в кабинет. Внутри пахло хлоркой и рвотой. Яркий свет не давал осмотреться. Усадив меня на белый пластмассовый стул, Сал налил стакан воды в бумажный стаканчик и поставил его на стол рядом со мной. Сев напротив, он достал какую-то бумажную тетрадь и начал заполнять ее.

– Извините, у нас проблемы с электроникой. Приходится заполнять карточки пациентов по старинке.

Его добрый и мягкий голос успокоил меня. Придя в себя, я рассмотрела доктора получше. Кудрявые каштановые волосы. Острые скулы. Пухлые губы и греческий нос. Глядя в его карие глаза, хотелось раскрыть ему все свои самые заветные тайны. Сал видел, как я нервничаю, потирая ладони после каждого его вопроса. Поэтому не спешил. Покончив с формальностями, мы плавно перешли к причине моего посещения. Как только Сал узнал, что меня изнасиловали, он понимающе кивнул и, отложив ручку, спросил, когда у меня овуляция. Меня это насторожило. Не дожидаясь моего ответа, доктор медленно достал из ящика стола небольшой продолговатый предмет синего цвета с тонкой булавкой на конце. Я вжалась в стул. Сал вытянул руку ладонью вверх.

– Нужно сделать один тест, это не больно. Дай мне свою руку.

Я подчинилась. Вложив указательный палец в его ладонь, я отвела глаза. Повисла тревожная пауза. Раздался звонкий, писклявый звук. Я повернула голову. Мой палец одиноко висел над столом, на подушечке дрожала маленькая капля крови. Сал строго смотрел на устройство, держа его перед глазами. Мы сидели молча, пока оно не завибрировало. На его лице появилась широкая улыбка. Доктор взял из банки ватку и протянул мне. Я приложила ее к месту укола. Сал наклонился ко мне и радостно объявил, что я беременна.

– У меня отличные новости! Вы беременны! Поздравляю!

В глазах потемнело. Я с трудом усидела на стуле. После его слов образ насильника всплыл прямо передо мной.

– Что же теперь делать, доктор? Я не могу родить этого ребенка! Это неправильно!

Из моего рта вырвались слова, которые порицаются в современном обществе. Из-за паники я совсем забылась. После услышанного Сал нахмурил брови. Он смотрел на меня, скалясь, словно дикое животное. Тот милый парень, который минуту назад вытирал мои слезы платком, превратился в строгого и холодного человека.

– Я не верю своим ушам! Что значит «не могу»?! Вы хотите сказать, что намерены избавиться от ребенка?

– Нет, но как же я? Ведь меня изнасиловали!

Сал встал, сжимая тест в руке. Прихватив бумаги, он строгим тоном велел мне сидеть на месте и вышел. Я боялась пошевелиться. Сама не понимаю почему, но на меня нахлынуло чувство вины. Строгий взгляд доктора спровоцировал чувства, которые я совершенно не заслуживала. Мысли, словно коршуны, закружились в голове. Все они требовали испытывать радость от того, что во мне растет ребенок. Не важно, от кого и как он был зачат! Важно лишь то, что во мне формируется новая жизнь. Мои размышления прервала вибрация от телефона. Кто-то звонил. Это помогло не впасть в истерику.

– Алло! Ты почему не предупредила, что будешь отсутствовать? О таких вещах нужно сообщать! Ну да ладно. Мне звонили из больницы. Мы все тебя поздравляем! Ждем не дождемся поздравить лично!

Не дав мне вставить ни слова, Кип бросил трубку. По его голосу было понятно – он перевозбужден. Голова стала будто каменная. Началась сильная, пульсирующая боль в висках. Захотелось походить по кабинету, размять ноги. Но вставать было неловко. Казалось, мне этого делать нельзя. Сама не знаю почему. Просидев неподвижно около двадцати минут, я наконец услышала, как кто-то открыл дверь позади меня. Раздались шаги. Ожидая увидеть Сала, я робко попросила таблетку от головной боли. Но это был не он.

Крупный мужчина медленно прошел мимо меня, тяжело дыша. Идеально выглаженные черные брюки. Темный джемпер, под которым угадывался круглый живот. Лысый, бородатый. Под мышкой – черная кожаная папка. Он сел на место Сала, под ним заскрипела табуретка. Я не могла оторвать от него взгляд. Он словно хищник, окруженный опасной энергетикой. Каждое движение точное. Взгляд острый, но не суровый. Я почувствовала приятный запах одеколона – легкий аромат летнего леса. Положив папку на стол, он расстегнул ее и аккуратно разложил содержимое: планшет – на уровне глаз, блокнот с ручкой – у левого края. Когда все было готово, он заговорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.